

Шабалина Надежда Николаевна

ОБРАЗ АВТОРА В ФЕЛЬЕТОНЕ (В. П. БУРЕНИН В "САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ")

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/64.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 164-167. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Пьяному и море по колено может прочитываться: (1) как субъект диктума: 'пьяный, не задумываясь, полезет и в море' и (2) как субъект модуса: 'пьяный и море считает мелким'.

Бедному да вор - всякая одежда впору может осмысливаться (1) как субъект диктума: 'как бедный, так и вор берет все, что ему попадает под руку' и (2) как субъект модуса: 'как бедный, так и вор, беря любую одежду, скажет, что она ему впору'.

Модусное прочтение русских дательных субъектных синтаксисом помогает носителям китайского языка правильно понимать русские тексты, особенно русские пословицы, и способствует их правильному переводу, поскольку отвечает грамматическому строю китайского языка и модели S-V-(O) (подлежащее-сказуемое-дополнение), которая «выступает как исходный, немаркированный, грамматически заданный, прототипический порядок, в котором порядок следования слов соответствует исходной коммуникативной значимости расположения партиципентов глагола» [7, с. 4]. А «порядок слов современного китайского языка как представляет собой скрытую категорию падежа» [Там же].

Подводя итоги, мы приходим к выводам:

1. В пословичных выражениях обобщенно-личный субъект (субъект класса), выделенный по какому-либо признаку: *умный/глупый, плохой/хороший, добрый/злой, богатый/бедный* и т.п., выраженный *дат. беспредл.*, - обозначает модусное знание, т.е. субъекта модуса, тем самым модус значения принадлежит всем (все так считают).

2. Дательный падеж в пословицах допускает и модусное, и диктальное прочтение.

3. В пословичных выражениях нередко используется квантор общности: *всякому, всегда, всяк*. Но при диктальном прочтении квантор общности (*всегда*) является обобщением в объективной действительности, при модусном - относится к сфере говорящего.

4. Модусное прочтение дательных субъектных синтаксисом характерно для предложений с предикатом ментального отношения: *Всякому свой век нравен* (или: *не нравен, т. е. прежде лучше было*). *Всякому мила своя сторона* (Ср.: *Всяк кулик свое болото хвалит*).

5. Модусное прочтение русских дательных синтаксисом способствует их правильному переводу на китайский язык.

Список литературы

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2006.
2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
3. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. М.: Наука, 1988.
4. Золотова Г. А. Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Изд-во МГУ, 1998.
5. Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
6. Онипенко Н. К. «Я» говорящего в грамматике и тексте. М.: ИРЯ РАН, 1999.
7. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на материале типологии китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.

УДК 82-312.5

Надежда Николаевна Шабалина

Елабужский государственный педагогический университет

ОБРАЗ АВТОРА В ФЕЛЬЕТОНЕ (В. П. БУРЕНИН В «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»)®

Литературное произведение рождает представление о личности автора. Существуют различные формы присутствия автора в тексте, которые зависят от родовой принадлежности произведения, от его жанра. Образ автора в литературном произведении, как правило, не совпадает с реальной личностью писателя. Здесь он выступает в качестве художественного образа, созданного по законам типизации. При этом автор в литературном произведении, с одной стороны, наделен широкими возможностями в изображении героев, а с другой - обладает богатым спектром самовыявления. Именно отсюда и проистекают многообразные разновидности и формы авторства: писатель может выступить и как непосредственный участник события, и как сторонний наблюдатель, и как рассказчик, от лица которого читателю будет поведана история, и как человек, «организующий формально-содержательный центр художественного видения» [7, с. 22].

Весьма специфичен образ автора в фельетоне. Этот жанр один из самых интересных и сложных художественно-публицистических жанров, с ярко выраженным личностным отношением к изображаемому. Одним из основных составляющих фельетона можно назвать образ автора, который может совпадать с образом рассказчика (если фельетонное повествование ведется от первого лица) или существенно отличаться от него (если события в фельетоне преподносит читателям герой произведения).

Но всегда автор несколько возвышается над тем, что изображает, видя происходящее значительно шире и глубже. Обобщая различные образы авторов фельетонов, мы видим общие черты: за каждым фельетоном стоит умный, эрудированный, наблюдательный и проницательный человек с прекрасным чувством юмора и «острым пером».

Изначально, к 30-40-м годам XIX века, «облик газетного фельетониста-профессионала, «обозревателя» городской жизни, трактовался в печати как чрезвычайно «низкий» [6, с. 80] Это, прежде всего, люди, пишущие фельетоны безыдейные, основная цель которых развлечь публику: «он ...за десять сигарок восхваляет табачную фабрику; за фунт икры строит комплименты овощной лавочке» [Там же].

Постепенно, из «журнального фельетона уходят примитивные, случайные темы (погода, новости светской жизни, описание гуляний), а если они всё же фигурируют, то совершенно переосмысливаются» [Там же, с. 92]. С середины 50-х годов «журнальный фельетон» – это «высокий жанр». Меняется отношение и к фельетонисту – это «мастер своего дела», в произведениях которого дан глубокий анализ отрицательных явлений жизни, иногда встречаются дидактические интонации. В 50-60-е годы в фельетонном жанре работают Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и В. П. Буренин.

Буренин начинает свою деятельность в сатирических журналах «Будильник», «Искра» и «Свисток». В «Свистке» отчётливо обрисовались новые фельетонные формы и стиль. Здесь даны «образцы эзоповского использования сатирических возможностей, заложенных в самих официальных источниках, которые иногда богаты потенциальным юмором» [8, с. 424]. Буренин смело заставляет своих героев (М. Каткова, Н. Павлова, А. Громеку) действовать в «предполагаемых обстоятельствах», комически домысливая их линию поведения. Именно в сатирических журналах сформировались особенности стиля писателя как фельетониста.

С 1865 года Буренин сотрудничает в газете «Санкт-Петербургские ведомости», где из номера в номер ведёт фельетонные обозрения под рубрикой «Литературные и журнальные заметки». У него наметилась тенденция использовать фельетонный подвал по-своему. В фельетон на литературную тему, в котором он рассматривал и анализировал статьи критиков, появление новых произведений известных и малоизвестных писателей, включается разговор о событиях, фактах реальной жизни: «о разнообразии даров прогресса и о молодых писателях, по поводу повести г. Слепцова» [1].

Жанр фельетона весьма сложен, поэтому многое в создании фельетонного произведения зависит от таланта, мастерства и профессионализма писателя. Фельетонист должен умело выстроить сюжет и композицию повествования. Однообразие композиции, скука, тоскливая дидактика претят Буренину. Его фельетонные обозрения всегда привлекали читателей ввиду актуальности тем, на которых писатель концентрирует внимание. Они заинтересовывают умением фельетониста экспрессивно выразить свою точку зрения, отражённую в проблемах произведения. Важным и неперемнным достоинством его фельетонов является правдивость, под которой следует понимать правильное определение характера обличаемого зла. Буренин обращает внимание на явления, характеризующие состояние жизни «сегодня», вскрывающие множество недостатков современной действительности. Литературный факт «сам по себе», вырванный из контекста общественной жизни, не представляет интереса для писателя потому, что это не позволит по-новому взглянуть на события, многое сопоставить и переоценить.

Центральным в создании данного жанра является подбор фактического материала. Нужно уметь отобрать главное и в «безнадёжно бытовом случае увидеть богатые ассоциации и сатирическое начало, подойти к нему неизбитой дорожкой» [5, с. 72]. Автор строит произведение, как конструктор, который возведён из «кубиков» фактов. Ни одна строка в фельетоне не будет обезличена, не будет восприниматься сама по себе. Тема фельетона и фактический материал, на котором он основывается, всегда несет на себе отпечаток личности автора. Фельетонист обдуманно создаёт свою литературную личность, индивидуальность. Она является неотъемлемой частью фельетона, часть основополагающая, организующая. «Личность автора, хотя бы и выдуманная (псевдоним), призвана придать повествованию особую литературную достоверность» [6, с. 19].

Псевдоним с выразительным лексическим значением – это своеобразный способ построения образа автора. В. П. Буренин подписывал свои фельетоны в «Санкт-Петербургских ведомостях» псевдонимом «Выборгский пустынный», что оказывает определённое воздействие на читателя. Это не отвлекает его внимания, а способствует иному восприятию авторского начала в фельетоне. Автор подчёркивает знание жизни общества с самых «низов». Буренин на протяжении всего произведения ведёт диалог с читателем, помогает ему разобраться в сложившейся ситуации («вероятно читатель знает ещё из хрестоматий», «читатель, если с одной стороны мы созданы проведением таким образом, что представляем изобильный источник благородных чувств») [1]. Читатель полностью доверяет «всезнающему» писателю, следит за его мыслью и принимает его позицию.

Авторская субъективность Буренина отчётливо проявляется в рамочных компонентах текста: начале и концовке произведения. Изначально позиция автора не явно выражена в фельетоне, а обозначается с помощью иронии, юмора и сатиры, например, «целому миру известно, что нет на земном шаре другой страны, где жилось бы людям столь легко и приятно, как в нашем любезном отечестве», «прогресс, этот щедрый и благодетельный бог «настоящего времени» в своём торжественном шествии...рассыпает перед человеком великое множество благ» [1].

В концовке открыто проявляется особенность его авторского самосознания, фельетонист смело выступает от собственного «я» «и из-за чего это я быюсь, и зачем я проповедую!», «нельзя без смеха читать те высокопарно-натянутые и лишённые всякого существенного значения статьи-рекламы, которые тискают эти господа» [2]. Писатель непосредственно обращается к читателю со своими мыслями, чувствами и оценками. Вывод автора начинается «светиться через противоречие», переданное посредством ярких образов, особых стилистических приемов.

«Жанр фельетона не ставит никаких пределов применению всей палитры художественно-изобразительных приемов и средств» [4, с. 89]. Буренин часто использует сравнения и сатирические метафоры «нужно иметь знамя убеждений и без такого знамени ни ступить ни шагу в жизни, но теперь напротив, значительное количество лиц, весьма солидно поставленных, убеждены, что это вовсе излишне, что надобно иметь только древко, а знамя навязывать на древко следует сообразно с обстоятельствами: сегодня красное, завтра белое, а послезавтра - голубое...» [1]. В данном абзаце комический эффект создаётся с помощью сопоставления двух мнений. Оценка фельетониста заключена уже в абсурдности того, что возможно существование такого рода позиции. Особенность фельетона проявляется и в его направленности на смех: «Главное отличие его от других литературно-публицистических жанров газеты еще и в том, что он не только обнажает, не только обличает, но и высмеивает опасное зло» [4, с. 69].

Своё отношение к общественным и литературным явлениям писатель часто скрывает за аллегорией: «бе-локурые чухонцы, с запасом белоснежного масла, густых сливок и сладостного молока, стекаются на своих двухколёсных телегах со всей Выборгской стороны в центральную часть города, чтобы производить распродажу этих продуктов» [2]. За «чухонцами» автор подразумевает «публицистов, романистов и поэтов», за «молоком, маслом и сливками» - результаты их труда, которые «не отличаются услаждающим вкусом и питательными качествами, но даже имеют качества противоположные» [Там же]. Данный художественный приём оказывает сильнейшее воздействие на воображение читателя и концентрирует внимание на верно расставленных автором акцентах. Вердикт Буренина прост: читать произведения «чухонцев» - наносить вред литературному вкусу «в потребителях может исчезнуть охота к молоку и к сливкам» [Там же].

Яркие ассоциации «рождают» символы: «жизнь наша есть, так сказать, не жизнь, а сосуд, полный до краёв всем, что потребно для благополучия», «колодезь, из которого мы почерпнём на сей раз, будет русская литература» [1]. С помощью данного художественного средства автор, помимо основных значений, передаёт новые и скрыто выражает свою точку зрения. «Сосуд», как символ русской жизни, подчёркивает узорность запросов русского человека, «колодезь» - глубину и неисчерпаемость запасов.

Есть в арсенале фельетониста ещё одно весьма существенное изобразительное средство, которое отдельные исследователи относят к категории образа, называя образом-тезисом или доминантой. В качестве доминанты могут выступать определённые предметы (персонификация неодушевлённых вещей), фразеологические единицы, пословицы, мифические сюжеты, различные компоненты материальной и духовной культуры. Причём это не разовое вкрапление, а своеобразный, повторяющийся на разных витках, сатирико-юмористический референт. Он во многих вариациях пронизывает произведение от начала до конца.

Буренин, размышляя об особенностях русской жизни, использует фразеологизм «рог изобилия», который, кажется, исчерпывающе характеризует современную действительность. Однако, это деталь, начинающая авторское иносказательное повествование. Данный образ-доминанта эволюционирует на протяжении произведения: «рог изобилия» первоначально трансформируется в «сосуд, полный до краёв», а далее превращается в «ядра и скорлупу». Призыв автора: «Публика! Давайте ликовать и смеяться! Взыграем в гусли, восскочем и воспляшем и огласим веси и грады хохотом радости и удовольствия! Всего у нас в изобилии, ни в чём мы не нуждаемся...» сменяется раздумьями о существовании изобилия и прогресса «фразы прогресса... не только бы поблекли и опали. Они были потоптаны, так что на том месте, где росли цветы, пожалуй возникли бы бурьян и крапива» [Там же].

Имеет свои особенности и язык фельетона. В нём очень ярко проявляется позиция пишущего. Не может быть хорошим фельетон, если он написан тяжёлым, тусклым, невыразительным языком. Категорически противопоказано использовать в этом жанре общепринятые штампы и стереотипы или узкопрофессиональные термины. Каждое слово должно быть выразительно, уместно, ясно выражать мысль. В лучших образцах данного жанра широко используется народная речь, фольклор, пословицы, поговорки. Также широко применяется казенно-деловой стиль для пародирования, что придает творениям новые краски и ярко публицистическую направленность.

В одном из фельетонов Буренина описание того, как публика воспринимает статьи Писарева, построено на игре слов, характерной для разговорного стиля. Здесь наблюдается сочетание сниженной лексики и высоких литературных слов, как правило, в ироническом употреблении «доходит до трактирного пафоса», «молодое поколение шалело от статей Писарева и Зайцева», «другие обливаясь трудовым потом, делают обычное ежедневное дело, он посвистывает, заложив руки в карманы», «несётся молва» [Там же].

Фельетон по законам жанра предполагает виртуозное владение образным словом, высокий уровень нравственности и общей культуры фельетониста, а также работу читателя по осмыслению и «раскодированию» текста. Помощником читателя в данном жанре выступает сам автор. Авторская позиция в тексте выражается в отборе фактов, в построении произведения, в использовании ярких изобразительных средств и языке фельетона.

Список литературы

1. Буренин В. П. Общественные и литературные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. С.-П., 1865. № 214.
2. Указ. соч. № 230.
3. Указ. соч. № 237.
4. Ершов Л. Ф. Сатирические жанры русской советской литературы. Л., 1977.
5. Журбина И. Е. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М., 1969.
6. Журбина И. Е. Повесть с двумя сюжетами. М., 1974.
7. Прозоров В. В. Автор // Введение в литературоведение. М., 1999.
8. Свисток: собрание литературных, журнальных и других заметок; сатирическое приложение к журналу «Современник» 1859-1863 / сост. Е. И. Покусаев, И. Г. Ямпольский. М., 1982.

УДК 81'373

Юлия Александровна Шуплецова

Шадринский государственный педагогический институт

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ ЗАУРАЛЬЯ[©]

Необрядовая лирическая песня - один из видов синтетического, словесно-музыкального искусства, произведение, которое поется в одиночку или хором. «Главное содержание и основное назначение лирики - выражение отношения к тем или иным жизненным явлениям, передача определенных мыслей, чувств и настроений» [3, с. 170], раскрытие «мироощущения народа путем непосредственного выражения его чувств, мыслей, впечатлений, настроений» [2, с. 289]. Необрядовая лирическая песня отражает характерные переживания русского человека в разных жизненных ситуациях, «бытовые этические ценности, важные для самочувствия и самосознания личности» [1, с. 526]. В песнях раскрывается душа русского народа, изливаются боль и скорбь, не находящие часто иного выхода. Как отмечал В. Г. Белинский, «лирическая песня... вся посвящена семейному быту, вся выходит из него, - и потому она так грустна, так заунывна и нередко дышет таким сокрушительным чувством отчаяния и ожесточения» [4, с. 15].

В лирической песне поднимаются важные темы любви и брака. Семейная жизнь в патриархальной семье, где жена подчинена мужу абсолютно и полностью, а сам брак заключался без согласия невесты, часто изображается с ярко выраженной негативной окраской, чему способствует использование фразеологизмов, характеризующих семейную жизнь: *в могилу лечь, согубить головушку, стонет, пропадает молодость, клетка золотая*.

Фразеологическая единица *в могилу лечь* в значении 'умереть' употребляется в похоронном обряде либо в песенных жанрах, посвященных теме смерти, переходя в лирическую песню, раскрывающую тему семейной жизни, она усиливает драматизм восприятия замужества, когда для девушки привлекательнее брака выглядит смерть: *Не лучше ли мне будет / Живой в могилу лечь*. Появление подобных фразеологизмов неслучайно, поскольку положение женщины в семье, изображаемое в песнях, было крайне тяжелым как физически (непосильная работа), так и психологически, когда женщина вынуждена была жить с нелюбимым мужем, иногда значительно старше нее по возрасту, который *согубил* ее *головушку*, из-за которого *стонет, пропадет молодость, сохнет, блекнет красота*. Фразеологизм *согубить головушку* выступает в значении 'испортить кому-либо жизнь, заставить страдать':

Во третьем шатре лежит старый муж, / Старый муж - согубитель мой: / Согубил мою головушку деушкину, Пелагеюшкину, / Со хорошей девьей красотой, / Со любо-девьем украшением.

«Проклятая бабья жизнь» противопоставлена счастливому девичеству, символом которого в данном случае выступает фразеологизм, обозначающий предмет невестинного туалета - *девья красота*. Отрицательное отношение к семейной жизни берет свое начало в причитаниях свадебного обряда, в нежелании девушки изменять свой статус, счастливое время на кабалу замужества, результатом которого станет погубленная жизнь.

Но негативное восприятие брака свойственно не только женщине, в ряде песен повествуется о страдающих от неудачного выбора жены мужьях, желающих получить любящую спутницу жизни. В таких песнях наблюдается употребление фразеологизма *всем сердцем*, чаще всего использующегося в окружении глаголов с положительной оценкой: «любит», «радуется» и др., но в контексте он приобретает оттенок отрицательности. Подобное переосмысление значения - достаточно часто встречающееся явление в песенном фольклоре Курганской области, вызванное близостью устного народного творчества разговорной речи:

Посмотрите-ка, добры люди, / Как жена меня, молодца, не любит, / Она всем сердцем меня ненавидит.